

17 НОЯ 1975

Человек в мире прекрасного

...НАЙДЕШЬ ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

Как-то я услышала притчу о двух странниках — слепом и зрячем. Шли они узкой горной тропой. Вдруг слепой остановился: «Я чувствую, счастье где-то здесь. Я вижу его». Зрячий осматриваясь вокруг и рассмеялся: «Что ты можешь видеть? Вокруг только камни да пустота...» А потом на этом месте нашли золотые россыпи.

Эта притча вспомнилась мне, когда мы беседовали с народной артисткой СССР Александрой Ивановной КЛИМОВОЙ о театре, о том, что он дает человеку. Об искусстве, которое хранит в себе несметные сокровища, — надо только не пройти мимо них, суметь их увидеть. А для этого мало острого взгляда — нужно иметь зоркое сердце, чутное к добру и красоте, чутное к чужой радости и чужой беде. Нужно, чтобы туго натянутая в душе струна отзывалась на волны, излучаемые творением художника.

— Я иногда думаю: как человек жил бы, не будь искусства? Наверное, ему пришлось бы придумать что-то взамен...

— И он придумал бы искусство...

— Действительно, что, кроме искусства, может питать душу человека? Оно нужно ему, как хлеб, как воздух. Помню, в моей родной сибирской деревне зимними вечерами пели песни. То вдруг рассыпались лихой перестук деревянных ложек, то вступала в разговор задорная балалайка, то песня лилась — широкая, раздольная. В душе до сих пор живет ощущение праздничности тех вечеров. Я спрашиваю себя: «А как бы я жила, если бы не стала актрисой?» Нет, не могла бы я жить без той радости, которую нахожу в искусстве. Мне довелось быть в Бухаресте, когда там выступал Ленинградский театр имени А. С. Пушкина. Как чутко зрители, не знавшие русского языка, улавливали настроение, тончайшие нюансы чувств героев горьковской пьесы «На дне», «Последней жертвы» Островского. Тут действовало волшебство театра. Живое общение создавало нить между сердцем актера и зрителя. И она служила для передачи эмоционального напряжения.

— Значит, секрет театра — сопереживание? Если его нет,

теряется сила воздействия!

— Я живу на сцене чьей-то жизнью, плачу над чьим-то горем, радуюсь не своим удачам. Но если мне не чужие и эта жизнь, и это горе, они должны стать своими и для зрителя. И он станет богаче — и жизненным опытом, и радостью. Наблюдая чужую судьбу, он решает свои вопросы: «Как жить? Каким быть?» А до чего хочется найти ответ на них, особенно в юности.

Сейчас у нас идет спектакль «Последняя инстанция». О молодежи, о том, как она стремится узнать жизнь и как нелегко дается это знание. С каким напряженным вниманием смотрят этот спектакль молодые зрители. Ведь им, как и героям на сцене, хочется знать, где истина, как за нее бороться.

Помню, когда играла в «Барabanщице», я получила письмо от незнакомой девушки. Она писала: «Хочу быть такой, как Нила Снижко». Я далека от мысли, что, придя в театр, человек очистится от всех ошибок, заблуждений, недостатков и завтра начнет новую жизнь. Но на встречах со зрителями часто приходилось слы-

шать: «Зачем Салынский позволил умереть Барабанщице?» Пусть это не совсем точное представление о добре — но я уверена, что спектакль оставил след в сердце. После «Оптимистической трагедии» я часто видела слезы в глазах зрителей. А одна женщина (она была комиссаром партизанского отряда в годы войны) пришла как-то за кулисы. «Вы рассказали обо мне», — сказала она. Какое это счастье для актера — когда в его герои люди узнают себя, когда хотят быть похожими на него.

— Да, конечно, те, кого взволновала смерть героини, у кого слезы выступили на глазах, — они приходили в театр не зря. Я не верю, что они смогут обидеть человека, отказав в помощи. Не случайно театр называли школой нравственности.

— Я бы назвала его высшей школой для души. Здесь постигают сложную науку — умение чувствовать и сопереживать.

— Сейчас часто спорят о том, нужны ли чувства человеку в век научно-технической революции. На сцене, в кино даже стал появляться герой

«нового» типа — так называемый «деловой человек», не очень отягощенный эмоциями.

— Нет, не может человек превратиться в робота. По-моему, сейчас писатели-фантасты даже кибернадевают способность чувствовать. А человек никогда не будет стыдиться слез горя или радости. Если он человек. Он будет любить и ненавидеть, сомневаться и ревновать, надеяться и мечтать. Я знаю много ученых — физиков, математиков. Как искренне они любят театр, музыку, поэзию. Мне думается, никаких оснований не имеет под собой мнение, будто человек в двадцатом веке стал суше, что душа его очерствела. Нет, он способен чувствовать тонко и глубоко.

У нас порой боятся ставить Чехова или Тургенева, которые будто бы теперь скучноваты. Дело в том, как ставить. Я играла Ларису в «Бесприданнице». И вдруг поняла, что ее не понимают и не принимают зрители. Почему возник разрыв той самой нити? В чем дело? Я поняла, что не сумела раскрыть в ней того, что волновало бы людей сегодня. Ведь Лариса — мечтательница, у нее тонкая душа. Она ищет свой идеал. Но ее мечты разбиваются в мире зла. Вот в чем ее трагедия...

Я стала играть иначе. И почувствовала, что зрителям стало интересно. Они ведь сегодня стали глубже, требовательнее. Больше знают, видят, понимают.

— А не кажется ли вам, что обилие информации идет во вред человеку? Ведь возможности его не безграничны. Он

пресыщается, он не в состоянии переварить, воспринять огромный поток эстетической пищи, подчас теряются критерии...

— Конечно, сейчас человеку дано очень много. Кино, телевидение, транзисторы... И нередко он получает больше, чем может усвоить. Отсюда поверхностные знания обо всем и недостаточная их глубина. Мне кажется, что мы в юности, читая книги, воспринимали их глубже. Мы создавали их мир в своем воображении, жили в нем. Для меня до сих пор существует моя Наташа Ростова, моя Анна Каренина. А теперь не надо утруждать фантазию — достаточно вспомнить актрису из фильма. Жаль, когда шедевры литературы преподносят молодежи в несложко адаптированном виде.

— Не отсюда ли у некоторых людей предпочтение более легким для восприятия видам искусства? Например, эстраде, легкой музыке, детективу...

— Сейчас я вспомнила один случай. После спектакля ко мне за кулисы пришла женщина и говорит: «Очень уж у вас в театре все, как в жизни. А нам хочется отвлечься от нее, хочется праздника, отдыха». Значит, зрителю хочется отдохнуть, развлечься, а мы ему задаем вопросы, заставляем думать. Правильно ли? Да! Потому что иначе ему станет скучно. Он должен волноваться в театре — в этом волнении смысл искусства.

— А вы не боитесь того, что у модного вокально-инструментального ансамбля больше

поклонников, чем, скажем, у «Макбета»?

— Нет. Во-первых, слепое увлечение очередной модой, это как детская болезнь — ею нужно переболеть, чтобы приобрести иммунитет. Во-вторых, часто предпочитают идти на концерт, скажем «Самозвонков», а не в театр, потому что ансамбль этот по десять раз в день звучит в эфире. А в театре — кто знает, что покажут. И сколько раз я встречалась с такими случаями: парня или девушку в театр пойти не уговоришь. «Зачем это мне? Скучно, не хочу...» А стоит раз его «затащить» — потом сам придет и еще друга приведет. Если, конечно, ему повезет и попадет он на спектакль интересный, волнующий, полный страсти, размышлений о жизни. Если здесь он найдет своего героя.

— Иногда кумиром молодого человека становится не герой, а актер. «Звезде» подражают в манере одеваться, вести себя, говорить. И благо, если этот образец выбран удачно.

— По-моему, такое «идолопоклонничество» встречается все реже. Наоборот, я замечаю даже у подростков стремление стать индивидуальностью, познать самого себя и не повторять других. Тут, пожалуй, можно наблюдать другую крайность: ребята иногда в старании быть индивидуальностью теряют чувство меры, например, во внешнем облике. Но индивидуальность — это ведь совсем другое. Это взгляды, вкусы, увлечения. А каковы они? Чем сформированы? Это очень важно, потому что определяет духовное богатство человека. Не обокрал ли он себя, не просмотрел ли золотые россыпи под ногами? Не спутал ли подлинную красоту с подделкой? Ради того, чтобы этого не случилось, творит каждый художник. Ради этого актер выходит на сцену.

Беседу вела
Г. ЦВЕТКОВА.